

**О ВЕРХОВСКОМ — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ВЕРХОВСКИЙ П. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ВЕРХОВСКИЙ П. В. — в ПКК
ВЕРХОВСКИЙ П. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.**

ВЕРХОВСКИЙ Павел Владимирович, родился 31 декабря 1879 в Санкт-Петербурге. Окончил юридический и исторический факультеты Санкт-Петербургского университета, в 1902 — Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Возглавил кафедру церковного права Варшавского университета. Доктор юридических и исторических наук. После 1918 — профессор Донского университета и настоятель собора в Ростове-на-Дону. 12 июля 1921 — арестован как «участник белогвардейского заговора», 21 сентября освобожден. После 21 ноября вновь был арестован, через два дня освобожден, но приглашен в Москву в качестве свидетеля, 8 декабря в Москве был арестован и заключен во внутреннюю тюрьму.

В середине декабря 1921 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью представитель приходского совета кафедрального собора Зинаида Васильевна Шостенко.

<18 декабря 1921>

«Заведующему Отделом Юридической помощи
Политического Красного Креста

Шостенко Зинаида Васильевна

Прошение

8-го декабря с<его> г<ода> был привезен в Москву, в сопровождении комиссара Особого Отдела СКВО г<орода> Ростова н<а> Д<ону>, в качестве свидетеля по делу князя Ухтомского, настоятель Ростовского н<а> Д<ону> Кафедрального Собора, профессор и доктор церковного права протоиерей о<тец> Павел Верховской.

В качестве представительницы прихода Кафедрального Собора (негласно) я сопровождала его в Москву и во вторник 20-го дек<абря> с<его> г<ода> должна выехать обратно.

В Москве он, вопреки словесному уверению начальника секретно-оперативной части Особ<ого> Отд<ела> СКВО г<орода> Ростова н<а> Д<ону>, был арестован и посажен во внутреннюю тюрьму ВЧК (Лубянка, 2), где и находится в данное время.

Почти всему православному населению г<орода> Ростова н<а> Д<ону> хорошо известна полная аполитичность этого, глубоко уважаемого и горячо любимого всеми человека.

В данном же деле, будучи совершенно невинным, он страдает больше, как настоятель Кафедрального Собора, который в своей пастырской деятельности должен был иметь довольно близкое общение с участниками заговора.

Не зная, сколь долго придется еще просидеть ему в заключении, и будучи глубоко уверена в его полной невинности, я обращаюсь к Вам от имени прихода Рост<ова> н<на> Д<ону> Кафедр<ального> Собора с горячей просьбой посодействовать ускорению его дела, если возможно, снабдить его научными книгами и библией, а также с просьбой сообщить семье заключенного все то, что будет известно Вам о его деле (Малый проспект, д<ом> 43, кв. 12. Ирине Петровне Верховенской).

Представительница прихода
Ростовского н<а> Д<ону>

Вскоре Павел Владимирович Верховский был освобожден, но в начале июня 1922 — вновь арестован, 23 июня освобожден. 11 июля поступил на работу в Центральный институт труда. 7 октября 1922 — вновь арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. 2 января 1923 — приговорен к 10 годам концлагеря, отбывал наказание в одиночке Лефортовской тюрьмы, позднее переведен в Таганскую тюрьму. В начале апреля 1923 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<3 апреля 1923>

«3/IV 1923. Таганка, 2 корп<ус>, 2 кор<идор>, кам<ера> № 10.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Я нахожусь в большом затруднении в деле организации моих научных трудов, по которым за 21 мес<яц> тюремных скитаний очень соскучился. Как сотруднику, последнее время, Центрального Института Труда, мне хочется ввести здесь теоретический курс по Научной организации труда с семинарскими занятиями в кружке заключенных. Но мне не хватает даже основных книг. Хотелось бы также продумать и изложить вытекающие из нового научного взгляда на человека выводы в области учения о преступлении и наказании, рациональной организации мест заключения, уголовного процесса и вопроса о проф<ессиональной> пригодности целого ряда интеллигентских профессий. Но и для этого нет книг и, как я ни бьюсь, не могу их достать.

Поэтому я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы нашли возможным приобрести или достать для меня следующие книги² <...>³.

С середины апреля Павел Владимирович Верховский работал инструктором на Опытной станции ЦИТа, созданной в Таганской тюрьме (по теме: "Обследование постановки промышленного труда в тюремных мастерских с точки зрения научной его организации"). В мае 1923 — он вновь обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<17 мая 1923>

«17/V 1923. Таганка, 2 корп<ус>, 2 кор<идор>, к<амера> № 10.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

со слов Д. Т. Шапошникова я узнал, что на этих днях Вы говорили относительно меня с тов<арищем> Ширвиндтом, который Вам ответил, что им послано уже в Таганскую тюрьму распоряжение, имеющее целью облегчение моего положения. Если это действительно было, то я должен сказать, что такое распоряжение ничем не обнаружилось, и я могу полагать, что в этом произошло какое-то недоразумение.

Если Вы так добры, что помните меня и желали бы мне помочь, то позвольте мне более подробно изложить Вам свои нужды.

Дело, к которому я был против своей воли и механически примешан, произошло в Ростове на Д<ону> целых два года тому назад. Если и тогда я не имел никакого основания ему сочувствовать, а тем более содействовать, то за эти два года я потерял уже всякую связь и с г<ородом> Ростовом, и с теми кругами, которые знали меня по моему общественному положению и хотели использовать в своих целях. Предоставленный самому себе, я не искал возврата к старому, а поставил себе в жизни совсем другие цели.

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 181. С. 121. Автограф.

² Далее идет перечень из 18 наименований научных изданий.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 27. С. 406. Автограф.

Трижды арестованный по этому делу и трижды отпущенный на свободу за недостатком улик, я поступил, наконец, 11 июля 1922 г<ода> в Центральный Институт Труда и нашел себе в его работе полное удовлетворение. Я стал сотрудничать в нем вполне искренно, не только ради заработка и поддержания семьи, но по убеждению в том, что по своей предшествующей образовательной подготовке я могу быть действительно полезен в области научной организации труда, имеющей в настоящее время огромное значение для восстановления производительных сил России. Моя работа в институте была настолько успешной и так своеобразно поставлена мной, что после моего последнего ареста 7 октября 1922 г<ода> в институте на нашлось для меня заместителя, и порученное мне дело до сих пор ждет моего возвращения. Таким образом, если я еще долго буду в заключении, то порученное мне издание Календаря ЦИТа на 1923 г<од> под заглавием "Как надо работать", едва ли состоится и на 1924 г<од>, так как в Институте все заняты своим делом, перегружены работой, а для издательского дела нужен именно книжный человек, привыкший к литературно-научному творчеству. Несомненно, исходя именно из этого, Центр<альный> Инст<итут> Труда, успевший уже оценить меня как своего сотрудника, 15 февраля с<его> г<ода> возбудил ходатайство о моем помиловании. Но дело казалось еще слишком свежим и притом решенным Верховным Трибуналом, поэтому тогда М. И. Калинин положил на просьбе ЦИТ-а лишь такую резолюцию: "В Главное Управление принудительных работ. Прошу изыскать какие-либо возможности использования проф<ессора> Верховского П. В. в Институте Труда. Председ<атель> ВЦИКа М. Калинин. 15/II-23 г<ода>". На основании этой резолюции Заведующий Ц<ентрального> И<нститута> Труда А. К. Гостев был у т<оварища> Ширвиндта и после некоторых переговоров в середине апреля создал в Таганской тюрьме "Опытную станцию" Института по обследованию постановки промышленного труда в тюремных мастерских с точки зрения научной его организации. В настоящее время, в качестве инструктора ЦИТ-а я произвожу порученное мне обследование. По-видимому, в этой работе моей для Ц<ентрального> Института, а вовсе не в Институте, как говорится в резолюции М. И. Калинина, Г<лавное> У<правление> М<ест> З<аключения> и видит ее осуществление. Конечно, и такая постановка вопроса дает мне некоторое удовлетворение, позволяя не порывать служебной связи с ЦИТ-ом, быть ему полезным и заниматься любимым делом. Но это далеко не все, что мне нужно и что, казалось бы, возможно сделать во исполнение резолюции М. И. Калинина. Я хорошо понимаю, что как бы мало я ни был в действительности виновен по делу, имеющему уже двухлетнюю давность, с моим приговором нужно считаться. Но, как видно по целому ряду примеров, в осуществлении приговоров действует не только принцип законности, но и принцип целесообразности, в силу которого судьба многих осужденных очень скоро видоизменяется к лучшему, если они принадлежат к социально-полезным элементам. Вот этой-то целесообразности в отношении к себе я и не вижу. Если бы я был так виновен и так чужд направлению современной жизни, то я не отпускаясь бы на свободу уже 3 раза. Был момент в сентябре 1922 г<ода>, когда готовы были освободить меня даже от подписки о невыезде из Москвы, так как в то время ЦИТ имел в виду командировать меня в Петроград. Если бы я был плохим работником, то и ЦИТ не стал бы хлопотать о возвращении меня в его среду. Мало того, с 12 июля 1921 г<ода> до сего момента я уже пробыл в заключении 16 месяцев с лишком, значит, тоже уже не малое наказание. Мои материальные и домашние дела пришли в полное расстройство. Под влиянием пережитого у жены возобновился легочный процесс, хорошо залеченный в юности. Дети (девочки 15-ти и 4-х лет, мальчик 12-ти л<ет>) неработоспособные, учащиеся, требуют больших забот и расходов, а я оторван от них почти 2

года. Наконец, в тюрьме я никогда не был праздным. В Бутырской тюрьме я охотно нес обязанности истопника, в Таганке добровольно пошел простым подмастерьем в сапожную мастерскую, так как это ремесло изучил еще в 1920 г<оду>, когда, по упразднении моей кафедры в Донском Университете, мне решительно нечем было содержать семью. Не остаются неиспользованными и мои педагогические силы, и уже месяц тому назад я охотно согласился быть учителем русского яз<ыка> в тюремной школе, прочел две лекции по научной организации труда и для Учебно-Восп<итательной> части тюрьмы, составил обширный доклад интересующим ГУМЗ. Все это доказывает, что даже в тюрьме, в самых стесненных условиях работы, с трудом сносясь с Ц<ентральным> Институтом, получая книги на короткое время, постоянно наталкиваясь на неверие к себе, как осужденному на большой срок со строгой изоляцией (напр<имер>, до сих пор я не имею письменного пропуска в мастерские), при плохом питании и полной изолированности от родных и семьи, живущей в Петрограде и т<ак> д<алее>, я стараюсь быть полезным во всех отношениях, насколько в силах, и на своей тройной работе — в сапожной мастерской, по обследованию организации тюремного труда, в качестве учителя и сотрудника Уч<ебно>-Восп<итательной> Части, очень утомляюсь. Казалось бы, что целесообразность требует представления мне больших удобств работы и именно в Центральном Институте Труда, для чего я должен иметь возможность бывать в нем сам, дышать его атмосферой, быть в постоянных и непосредственных отношениях с заведующим и остальным персоналом и т<ак> д<алее>. Мне кажется, что это возможно было бы достигнуто путем переведения меня в какой-нибудь местный московский лагерь с откомандировкой на работы в Институт. Не мечтая пока о полной свободе, я счел бы именно эту меру за реальное улучшение моего положения и исполнение резолюции обо мне М. И. Калинина, так как все остальное — только паллиативы, весьма немного мне дающие. Ведь я стремлюсь не к свободе, как таковой, чтобы жить в свое удовольствие. Так я никогда не жил. Я стремлюсь к свободной работе и к заработку, в котором семья моя слишком нуждается. Сейчас она совершенно беспомощна, а за свою работу в тюрьме я ничего не получаю. Работа в самом Институте дала бы мне хоть некоторый определенный заработок, и я имел бы надежду хотя бы на то, что семья моя не погибнет в непосильной борьбе с жизнью и дороговизной. Я не думаю, чтобы я был, по существу, слишком требователен, т<ак> к<ак> даже помилование получают многие. Помилованы ВЦИКом и обе крупные фигуры нашего процесса, тогда как я остался наказанным теперь строже их, хотя мое участие в процессе совершенно случайно, и никакой активности в приговоре обо мне не установлено.

Я надеюсь, что теперь мое положение будет Вам более понятным. Я не имею в виду, просить Вас о хлопотах в мою пользу, так как опасаясь предрешать свою судьбу. Опыт показывает, что частые хлопоты приводят к обратному результату. Мне хотелось только осветить пред Вами истинное положение вещей, из которого видно, что, в сущности, у меня все идет по старому, а все, что я до сих пор получил, получил не в виде льготы, а собственными усилиями. Если бы я был одинок, я предпочел бы плыть по течению. Но двухлетние бедствия семьи не дают мне покоя и заставляют меня напоминать о себе всем, от кого в той или иной мере зависит моя судьба.

Ваш отзыв на это письмо не откажите передать Д.Т. Шапошникову.

Уважающий Вас
профессор П. Верховский.

P.S. Не откажите обратить внимание на учрежденные теперь по

тюрьмам "Разгрузочные Комиссии". Таковые начнут работать в Таганке 18 мая. Я слышал, им даны широкие полномочия»⁴.

В начале ноября 1923 — Павел Владимирович Верховский вновь обращается за помощью в юридический отдел Политического Красного Креста.

<7 ноября 1923>

«<...> Я узнал сегодня, что в Комиссии Сольца голоса разделились относительно меня поровну, это значит, что, если бы еще 1 голос, я был бы на свободе. Очевидно, особых препятствий к моему освобождению нет. Поэтому 1) Если будет еще Комиссия, а это возможно, потому что Комиссией Сольца в сферах недовольны, и кроме того, по слухам, в августе–сентябре предполагается ликвидация всех дел, возбужденных до издания в июле 1922 г<ода> Угол<овного> Кодекса (мое возникло весной 1921 г<ода>), то путем личных сношений с членами возможно подготовить для меня благоприятное большинство голосов.

2) Очевидно, что меня задержало ГПУ, предубеждение которого против меня основано на недоразумении. Случайно прикосновенный к делу в прошлом, я не вернусь теперь в Ростов, и не пойду служить никуда, кроме ЦИТ, где я совершенно нейтрализован.

ЦИТ возбудил пред Г<лавым> У<правлением> М<ест> ЗАК<лючения> вопрос о переводе меня в лагерь и встречает сочувствие. Ожидается только возвращение из отпуска Ширвиндта. Может быть, для этого потребуется снять с меня судом "строгой изоляции" В таком случае нужно было бы подготовить почву у Ульриха, Мереха и Кронберга, — членов Военной Коллегии. Если бы добиться этого и сокращения срока судом, многое упростилось бы.

В удобную минуту, вероятно, Гостев поедет и к Калинину, но для этого нужно ждать случая.

Хорошо было бы заинтересовать мною ВЧК по ликвидации безграмотности, особенное значение имеет Крупская. Это можно сделать через Анну Борисовну Пинкасович, Сретенский бульвар, № 6, 4 подъезд, 3 этаж, кв<артира> № 42, телеф<он> 2-38-86 и 5-35, добавочный 179, особенно, если ЦИТ перешлет "Букварь", как я просил.

Сообщите мне в отношении к написанному здесь Е. П. Пешковой, М.Л. Винавера и Ваше. Уважающий Вас П. Верховский.

Р. С. У нас ходит слух, что учреждена в Москве новая комиссия по досрочному освобождению, не считаясь с сроком наказания и отбытым сроком (хотя бы менее 1/2). Она не будет ездить по тюрьмам, а будет заседать в Москве. Верно ли это, и не может ли она меня освободить?»⁵.

В середине ноября 1923 — Павел Владимирович Верховский обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«17/XI 1923 <года>.

Москва, Лефортовская тюрьма, камера № 125.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

В виду намерения карательных органов провести известное различие в содержании заключенных со строгой и без строгой изоляции, 26 октября Н. И. Красько и я, вместе с целым рядом других лиц, переведены из Таганской в Лефортовскую тюрьму, в условия одиночного заключения и с

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 8. С. 103-105. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 8. С. 110. Автограф.

целым рядом ограничений в других отношениях, касающихся переписки и передач (только раз в неделю, по субботам), свиданий (раз в две недели и только с родными, вследствие чего я, не имеющий в Москве родных, лишен их совсем, и хотя подал просьбу, ответа еще не имею), общения друг с другом и т<ак> д<алее>. Работы почти нет, и на нашу долю остается одно чтение. После довольно деятельной жизни в Таганке, у меня — в конце 2<-го> года заключения, у Н. И. Красько — после 1½ лет, эта перемена действует на нас несколько подавляющим образом. Но, если внешние условия нашего содержания изменились к большей строгости, то и наше личное семейное, и материальное положение нисколько не улучшилось. Я нахожусь всецело в зависимости от симпатии и заботливости моих немногих московских знакомых и получаю передачи не постоянно, не наверно, а Н. И. Красько не получает совсем. Хотя стол в Лефортове лучше Таганского, но все-таки недостаточность его дает себя чувствовать. В аналогичном положении находится здесь и целый ряд других лиц нашей категории, как слышно из разговоров при случайных встречах, и все мы с сожалением вспоминаем о той заботливости и помощи с Вашей стороны, которой мы пользовались до сих пор и которой лишились с переводом сюда. Это побуждает нас поделиться с Вами сообщаемыми сведениями, чтобы напомнить Вам о себе, и просить, если это для Вас возможно, продолжить Ваши заботы о нас и в новом месте нашего заключения. Мы очень стесняемся обременять Вас. Но с другой стороны, всякие проявления внимания для нас, заключенных и оторванных от своей семьи и родной среды, так ценны, в чем бы они не выражались, что мы надеемся, Вы не посетуете за это на нас. По-видимому, до сих пор Лефортово не входило в сферу Вашего внимания. Но ныне здесь много таганских с большими сроками и строгой изоляцией, которым раньше Вы помогали.

Со своей стороны, пользуюсь случаем еще раз поблагодарить Вас и К. С. Каменскую, которой прошу передать мой сердечный привет, за оказанную мне и семье моей поддержку, тем более ценную, что ученый мир, среди которого я вращался, по-видимому, совсем забыл о моем существовании и не делает никаких попыток к облегчению моего положения, хотя его отзыв обо мне, как научном работнике, мог бы существенно помочь моему защитнику, Ю. И. Зороховичу, в его хлопотах о помиловании. Еще в начале Октября ему дана мною доверенность на это дело, и всякое новое обоснование его ходатайства имело бы для него существенное значение. Но у меня здесь нет никого, кто бы лично интересовался моей судьбой, и я не знаю к кому обратиться.

Семья моя по-прежнему перебивается в Петрограде и, не имея возможности что-либо предпринять, даже на время приехать сюда для хлопот, т<ак> к<ак> это дорого стоит, и жене моей не по силам, покорно ждет улучшения моего положения. Эта тягостная разлука в постоянном страхе друг за друга длится уже около 2½ лет.

Однако в моем положении мне остается только терпеть.

Прошу Вас принять от меня сердечный привет,

уважающий Вас профессор П. Верховской.

Постоянно благодарный и уважающий Вас Н. Красько.

P. S. Очень хотел бы знать адрес К. С. Каменской и проф<ессора> С.П. Попова, чтобы попросить их о книгах, а с проф<ессором> Поповым еще обменяться мыслями по поводу некоторых прочитанных здесь книг и журналов»⁶.

В середине марта 1924 — профессору Павлу Владимировичу Верховскому тюремное заключение было заменено принудительными работами с лишением в правах. Поселился с семьей в селе Всехсвятское

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 37. С. 57-58. Автограф.

под Москвой, работал в Центральном институте труда. В конце апреля 1924 — он вновь обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<30 апреля 1924>

«30/IV 1924 г<ода>. Село Всехсвятское, Ленинградское шоссе, д. 36/2.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Я не хотел больше беспокоить Вас своими затруднениями, но обстоятельства заставляют.

Дело в том, что, получив свободу с заменой наказания принудительными работами и по-прежнему с лишением прав, я обязан теперь вносить 25% своего содержания по службе в Главное Управление Местами заключения.

Первоначально мне назначили 100 р<ублей>, но в виду общего сокращения сократили и мне до 75 р<ублей> в месяц. 25% с них составляет 18 р<ублей> 75 к<опеек>.

Кроме того, вынужденный жить в Москве, с ее сложным и дорогим квартирным вопросом, я мог нанять себе комнату только под Москвой за 15 черв<онцев> въездых и 25 р<ублей> в месяц.

То и другое подкосило меня сразу, ибо дважды разоренные до основания, мы вынуждены всем обзаводиться вновь и еще жить.

Таким образом, за вычетом 25 % в Г<лавном> У<правлении> М<ест> ЗАК<лючения> и 25 р<ублей> на квартиру (всего 43 р<ублей> 75 к<опеек>, т<о> е<сть> больше половины оклада) на питание всей семьи в 5 чел<овек>, слабым здоровьем, мне остается только 31 р<убль> 25 к<опеек>, что едва ли будет достаточно.

За это короткое время (еще нет 2-х месяцев, как я на свободе) я еще не успел найти себе добавочного заработка, хотя об этом очень забочусь. Не прошло еще и мое зачисление в М<осковский> К<омитет> У<лучшения> Б<ыта> У<ченых>, где встречаются формальные препятствия в силу моего поражения в правах. Мне кажется еще несвоевременным просить и гр<ажданина> Корблита об уменьшении процентного вычета, поэтому никаких нормальных способов к тому, чтобы прочно стать на ноги у меня нет.

В виду этого, я не только не в силах пока вернуть Помощи заключенным данных мне 50 р<ублей>, но поставлен в необходимость просить Вас, не можете ли Вы помочь мне в уплате хотя бы вычета в Г<лавном> У<правлении> М<ест> ЗАК<лючения>, пока мне не сбавят, и я не оправлюсь. Без этого положение мое и моей семьи теперь хуже, чем, когда я был в заключении...

Если можно, напишите мне по указанному адресу или после 4/V скажите по телефону в ЦИТ (1-16-54). Я очень надеюсь, что Вы меня не оставите. Уважающий Вас П. Верховский»⁷.

В 1935 — профессор Павел Владимирович Верховский был вновь арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Карлаг, позднее переведен в Соликамск⁸. В декабре 1942 — освобожден из лагеря и выслан в Ишим, где в 1943 — скончался.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 37. С. 55. Автограф.

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1491. С. 20-21.